

Л.УСПЕНСКИЙ

# ЧЕТЫРЕ БОЕВЫХ СЛУЧАЯ



ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ

# ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Л. УСПЕНСКИЙ

У 774

## ЧЕТЫРЕ БОЕВЫХ СЛУЧАЯ

Рисунки К. Рудакова



Центральный Комитет  
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи  
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
Москва — 1938 — Ленинград

Все ребята нашей страны знают Климента Ефремовича Ворошилова, маршала Советского Союза, Народного Комиссара Оборона. Знают его и любят. И, конечно, хотят знать о нем решительно все.

Как жил он в детстве? Как он стал большевиком? Как стал командиром Красной армии? Как вел в бой против белых наши армии? Как побеждал врагов? И за что получил те ордена, которые горят у него на груди, когда в час первомайского парада выезжает он на своем коне из-под старых ворот Спасской башни Московского Кремля?

Чтобы рассказать хотя бы о самом главном из того, что случилось в замечательной жизни товарища Ворошилова, понадобится не одна толстая книга. Жизнь большого человека не укладывается в короткий рассказ.

В этой же книжке мы расскажем только о четырех самых обыкновенных боевых случаях, которые когда-то, в далекие дни гражданской войны, произошли с Климентом Ефремовичем на фронте.

31234



660380 Кх-рег 04.





**Товарищи Сталин и Ворошилов на фронте под Царицыным**

## СТАНИЦА ПЯТИИЗБЕННАЯ

Днем и ночью шли бои, днем и ночью пробивались красноармейские части на восток, к Волге, к городу Царицыну (теперь он называется Сталинградом). Путь был трудный, белые наседали со всех сторон. Отовсюду слышалась трескотня винтовок, стрельба орудий, грохот взрывов...

И вдруг, когда вдали перед собой наши войска увидели небольшую казачью деревню, станицу Пятиизбенную, всё вокруг неожиданно смолкло. Ни криков, ни выстрелов. Враг точно бесследно провалился куда-то. Куда он делся? Откуда налетит вновь? Неизвестно!

На войне такая непонятность хуже самого жестокого боя. Неприятель страшен, если не знаешь в точности, где он и что он делает. Надо было сейчас же итти на смелую разведку, ворваться в темневший вдали поселок, узнать, не прячется ли там враг. Это было делом очень опасным, но необходимым.

Решили послать на разведку броневичок — боевой бронированный автомобиль с пулеметом. Броневик был старый и потрепанный, но ничего другого под рукой не было.

Перед самым выходом в поле стало известно, что командиром броневика поедет командующий армией Климент Ефре-



мович Ворошилов. Очевидно разведка в тот день была таким важным делом, что Ворошилов решил ехать на нее лично. Сам.

Броневик быстро пробежал широкое пустое поле, отделявшее красных бойцов от деревушки, и на полном ходу ворвался в поселок. Главная улица его была пуста. Но враги могли спрятаться в боковых переулках.

Не замедляя хода, водитель направил машину в один из таких переулочков, изгибавшийся крутым коленом. Однако едва машина долетела до поворота, как водитель из всех сил схватился за тормоз.

Он сразу понял, что случилась страшная вещь. Переулок кончался тупиком. Второго выхода из него не было. Там, в конце переулка, у деревянных заборов были привязаны оседланные казачьи лошади. А из всех дверей, из ворот, из калиток уже выбегали на шум мотора вооруженные люди. Казаки! Белые!

Водитель остановил машину. Лицо его стало белым, как мел.

— Что ты делаешь? Почему затормозил? — крикнул Ворошилов.

— Узко! С ходу не развернешься, товарищ командир!

Он не успел еще выговорить это, как казаки с ревом кинулись к машине. И сейчас же всё внутри броневика загрохотало, заколотилось и запрыгало: это заговорил единственный пулемет красных.

— Ага! Не понравилось? Залегли под пулями, бандиты? Водитель, закусив губу, рванул рычаг заднего хода.

— Ох, товарищ командир, беда!.. Задний ход испортился... Заело что-то. Не выбраться нам...

Казаки сразу же поняли, что броневинок застрял.

— Что? Попались, черти красные?.. Ну, сейчас мы вас! И вот они уже кидаются в канавы, ползут по траве, ста-

раются подобраться как можно ближе. Их пули бьют по броневiku так, что у людей в машине от грохота чуть не лопаются перепонки в ушах. Пули рассыпаются на множество мелких горячих брызг свинца и стали. Эти брызги врываются в узкие щели боевых окошек, ранят руки, лицо, прожигают насквозь одежду...

Водитель машины, еще молодой парнишка, совсем растерялся.

— Что делать? Товарищ командир? Как быть-то? Пропали мы, — бормотал он.

Твердая рука Ворошилова легла ему на плечо.

— Да что ты, друг, что ты! Чего испугался? Держись крепче! Попробуй, может быть, хоть немножко возьмет машина назад? Давай, давай, разворачивайся понемножку... Да не бойся, ничего еще нет страшного! Отстреляемся, выскочим! Живо!

Каждый из вас видел, как разворачивается в узком переулке или во дворе тяжелый грузовик. Быстро этого никак не сделаешь. Шаг вперед, шаг назад... Чуть-чуть влево, чуть-чуть вправо... Два метра вперед, два назад, и опять полметра вправо... Минута, другая, третья...

Так было и сейчас.

А пули в эти минуты сыпались дождем, сплошняком. А казакi уже перебегали вдоль узкой улочки по-трое, по-четверо, по одному. Они то ложились, то вскакивали; они подбадривали себя криками, воем, улюлюканьем и непрерывно стреляли. И с каждым мигом они подвигались все ближе.

— Эх, только бы они не догадались забежать с другой стороны. Только бы не вздумали отрезать путь. Перерыть дорогу канавой, завалить ее бревном... Тогда — все пропало! Еще бы три минуты... Еще бы две... Еще одну...

Между тем пулемет выбрасывал уже последние очереди. Он задышался. Патроны кончались. В броневике стало невы-





носимо жарко. Ворошилов сквозь узкие боевые щели бил врагов из маузера, по одному, на выбор: этого, у забора... Теперь — второго! Упал!

— Только бы патронов хватило, только бы успеть... А ну, ну, товарищ! Давай же, давай еще немного! Спокойнее! Еще раз... Ну... Ну!

И вот, наконец, машина развернулась. Осторожно, совсем повиснув над канавой, она кое-как зацепилась левым колесом за сухой глиняный край дороги... И — пошла! Да, товарищи, пошла, пошла!

Боевая башня наверху бронезика, точно голова богатыря в шлеме, грозно обернулась назад.

— А ну, дружки любезные, получайте последние пули. Вот вам, вот, вот, вот!!!

В суматохе белым и в голову не пришло забежать броневiku в тыл, перерезать ему обратный путь. Дорога была свободна!

Радостно заревела хриплая сирена. Броневик, как вырвавшийся на волю конь, весь вздрогнул, далеко швырнул задними колесами облачко сухой травы, пыли, щепок и ринулся на главную улицу, к своим.

Дело было сделано. Красные войска теперь отлично знали, где засел их враг! А это в бою всего важнее. Два часа спустя притаившиеся беяки были выбиты из хутора.

Таков первый случай из тех, про которые я хочу вам рассказать.

---

## СМЕЛАЯ РАЗВЕДКА

Второй случай произошел уже около Царицына, на Волге. Белые армии, идя по пятам за красными, подошли к Царицыну почти вплотную, окружили его тесным кольцом с трех сторон.

Одна из батарей белых — четыре пушки и около сотни солдат — остановилась в ожидании битвы в степи, за пригородными деревнями.

Рано поутру из штаба белых на эту батарею прискакал верховой. Он привез приказ: быть готовыми к наступлению. Для смотра батареи собирался приехать командующий — грозный и свирепый генерал. На батарее поднялась страшная суматоха.

Командир батареи отдал строгий приказ: нижним чинам, солдатам, — подтянуться, начистить песочком пуговики, пряжки на ремнях. Господам офицерам — выглядеть по-военному, бодро!

Чтобы страшный генерал не наскочил как-нибудь невзначай, незаметно, вахмистру Владюкову было велено все время сидеть верхом на лошади на ближайшей горке и смотреть на дорогу — не едет ли.

Вахмистр был огромный рыжий детина. Сытый, толстый



гнедой конь гнулся под его тяжестью. Неподвижно застывший на вершине холма усатый всадник был похож издали на какой-то памятник.

Вот, наконец, он поднял руку и, пришпорив своего коня, поскакал вперед. Он увидел: издалека по степи в клубах пыли неслась к батарее синяя военная машина. Вот она остановилась на миг на дороге, вот свернула с нее на траву, потом, вдруг круто развернувшись, пошла опять к батарее, но пошла почему-то задним ходом.

Вахмистр Владюков скакал ей навстречу. Он, конечно, не мог слышать, что в это время говорили те, кто ехал в автомобиле.

— Вали-ка задним ходом, Цыбаненко! — сказал один из

них. — Так осторожнее будет. Забрались-то мы уж больно далеко. Кто знает, чья это батарея: наша или белая.

Владюков задержался на секунду, взгляделся из-под руки в едущих, потом гаркнул:

— Гей, на батарее! — и вихрем помчался наперерез машине.

„Как будто шестеро едут. Военные, — подумал он. — Значит — генерал! Его превосходительство!“

Подскакав совсем близко, он красиво осадил на всем скаку коня, молодцевато взбросил руку к козырьку фуражки, открыл было рот, чтобы зычно приветствовать генерала, и чуть не упал с седла: „Что такое? Что? Что?“

У людей в автомобиле на фуражках были красные звезды. Красные!

Вахмистр рванул было наган из кобуры... Но было уже поздно: тот, кто сидел в машине впереди всех, рядом с шофером, мигом вскинул опущенную вниз винтовку. Над степью гулко раскатился выстрел.

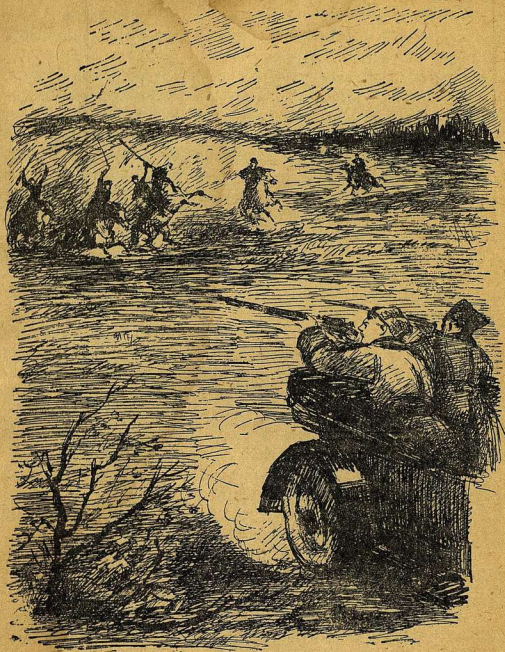
Вахмистра точно бревном ударило по голове. Выпустив поводья, вахмистр тяжело рухнул на землю. Испуганный конь взвился на дыбы и потом уже без седока вихрем понёсся по степи...

На батарее сразу поняли всё, что случилось. Человек пять верховых, сорвавшись с места, во всю прыть поскакали сейчас же к машине. Поднялся отчаянный переполох.

— Пулемет! — орали и бегали белые. — Живее! Сюда! Огонь по машине! Эх, уйдут! Скорей!

Синий автомобиль был еще недалеко, но стрелять по нем сразу же стало невозможно. Между ним и батареей уже скакали вдогонку свои, белые. Начнешь стрелять — своих перебьешь. Что тут делать?

Верховые, срывая с плеч винтовки, что было духу неслись за машиной. Но вскоре они стали сдерживать коней, отставать — и не удивительно: из стремительно несущегося





автомобиля били без промаха. Один всадник кубарем слетел с коня. Другого подмяла под себя раненая лошадь. Трое остальных попридержали коней: а ну их, пусть едут! И пыльное облако над синей машиной быстро покатилося вдаль...

Отъехав немного от места стычки, в ложинке между двух холмов, у колодца, машина стала. Шофер, схватив брезентовое ведерко, побежал за водой: мотор мог перегреться. Над утренней степью пахло так славно: горько, свежо — дымком, травой, полынью. Солнце стояло уже высоко. Небо стало чистым и синим. Только далеко вправо, на самом горизонте, расплывались два огромных коричневых облака. Это горели какие-то ближние станции, подожженные снарядами белых.

Взволнованные пассажиры, смеясь, соскочили на землю — размять ноги.

— Ну, ребята, каково? — сказал старший. — Выскочили, а?

— Выскочили, Климент Ефремович, — радостно и наперебой ответили спутники. — Но все-таки, товарищ командарм... Разве можно так? Рискуете вы очень: а ну — убили бы?

Ворошилов сорвал пучок травы, растер его в руках, понюхал, улыбнулся.

— Чудаки вы, товарищи! — сказал он, вглядываясь в ясную степную даль. — Как же узнаешь обстановку без риска? Вот объехали верст пятьдесят, теперь нам и ясно, что делать.

Он помолчал немного, подумал, улыбнулся еще раз.

— Подождите, увидите, как мы их скоро лупить будем! И верно. Через несколько дней красные части перешли в наступление.

Таков был второй случай.

---

## У ПУЛЕМЕТА

Третий случай произошел на станции Воропоново, недалеко от того же Царицына. Вот как на этот раз было дело.

Осенью, в октябре месяце, на фронте снова загремели орудия. Белые решили еще раз попытать счастья, прорваться к Волге.

Ворошилов, как всегда, не захотел управлять боем издали, из города. Восемнадцатого числа штабной вагон привез его на станцию Воропоново. Тут в эти дни нивесть что творилось.

В те времена у нас нехватало не только оружия. Мало было у нас и паровозов. На небольшой станции царила поэтому полная неразбериха. На путях скопилось множество длиннейших поездов, все больше темно-красные товарные вагоны, теплушки. Из окон штаба видны были их бесконечные ряды. В одних теплушках лежали раненые, только что привезенные с фронта, где ночью шел жестокий бой.

Другие были битком набиты несчастными беглецами из тех мест, где теперь хозяйничали белые: в этих теплушках кашляли слабые старики, причитали и вздыхали женщины, хныкали и пищали маленькие ребята. Все это были люди

мирные, ослабевшие, уставшие, на смерть перепуганные войной и жестоким врагом. Ведь фронт был под боком.

Но все же станция была не на самом фронте. Поэтому вооруженных красноармейцев-бойцов на ней было совсем мало...

Ровно в полдень Ворошилов созвал к себе в вагон своих помощников — на совещание. Наклонясь над картами, командиры красных частей решали, что надо сделать, чтобы отбить наступление белых. Вдруг за окном точно лопнула струна: раздался отчаянный женский крик:

— Спасите! Спасите! Белые!

Нельзя описать, что произошло в следующий миг.

Из всех вагонов, из всех теплушек старики, дети, женщины бросились, как безумные, бежать в поле. Все они, потеряв головы от страха, метались по рельсам, кричали, плакали, хватались друг за друга!

— Спасите! Ратуйте!<sup>1</sup>

Раненые, которые еще могли двигаться и у которых были винтовки, тоже выскочили из своих теплушек. Одни забинтованными руками наколачивали штыки, другие зубами открывали затворы, готовясь дорого продать свою жизнь. Но их было так мало, так безнадежно мало!..

Ворошилов и его штаб мгновенно тоже оказались на платформе. Командир первой коммунистической дивизии, раненный в ногу (на нее теперь поверх бинтов была надета чья-то огромная туфля), бросился на платформу останавливать бегущих. Он упрашивал, уговаривал, грозил, но напрасно. Обезумев от страха, эти старики и женщины уже не слушали никого и ничего.

Ворошилов взглянул на юг, туда, куда с ужасом обращивались испуганные беглецы. Да, дело было плохо! Вокруг

---

<sup>1</sup> Спасите.

станции далеко в степь уходили пустые осенние сады, голые, без листьев. И там, за ними, сквозь ветви деревьев он увидел: сто, двести, пятьсот, не поймешь сколько белых во весь опор несутся к станции... Наверное, они где-нибудь проскочили в наш тыл.

Что ж теперь делать? Защиты нет. Уйти? Нет, нельзя уходить. Разве можно оставить на произвол врага эту толпу мирных беззащитных людей, стариков, детей и женщин? Если бы был под руками хоть единственный пулемет... Но ведь его не было! Значит — оставалось одно: погибнуть в бою...

Ворошилов переглянулся со своими и, качнув головой, скинул с плеча свой неизменный, любимый карабин, верную маленькую кавалерийскую винтовку. Белые — они были видны как на ладони — доскакали до оврага, который тянулся по степи прямо к станции, и ряд за рядом исчезли в нем. Через две-три минуты они выскочат из этой лощины совсем уже близко, вон там, у тех двух деревьев, и тогда...

Кто-то из штабных красноармейцев, подойдя сзади, тихонько тронул Ворошилова за локоть.

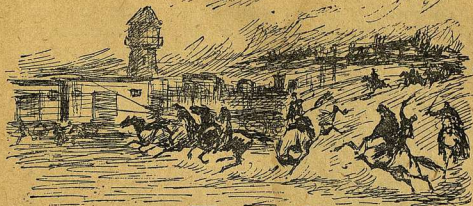
— Товарищ командарм, — вполголоса пробормотал он, — у вас конь хороший. Прикажите — выведу коня. Садитесь, езжайте!... Как-нибудь уйдете.

Лицо Ворошилова вспыхнуло от гнева. Он резко обернулся к тому, кто это сказал. Он хотел ответить что-то и вдруг... Вдруг одним прыжком он бросился на платформу. Пулемет! Он увидел пулемет!

На платформе, около зеленого бака для кипяченой воды, у самой стены стоял снаряженный, готовый к бою пулемет. Наверное, его поставила здесь охрана, а потом, в панике, в общей суматохе о нем забыли.

В какие-нибудь две-три секунды Клим Ворошилов схватил пулемет за дужку, подкатил к канавке в конце плат-





426715

660380



Российская государственная  
детская библиотека



формы, повернул дульцем туда, к оврагу, заправил ленту... И было пора!..

Передовые всадники целой конной толпой, лавой, с шашками наголо уже вылетели из оврага. Путь до беззащитной станции был перед ними открыт. Еще минута — и они будут здесь.

Но в тот же миг страшный сухой грохот пулеметной очереди прорезал тишину. Направленные умелой рукой командарма, пули стальным, свинцовым веером врезались в несущуюся лаву. Триста пуль в минуту. Пять в секунду. Невидимая верная смерть!

Белую конницу точно срезала огромная бритва. Степь у оврага сразу покрылась маленькими темными пятнами — убитыми, ранеными людьми и лошадьми. Кое-где по ней стремглав уносились в даль, низко прижавшись к седлам, отдельные всадники... Со всех сторон к Ворошилову бежали теперь люди. Откуда-то тащили второй пулемет. Но дело уже было сделано. Бой был выигран.

Командующий поднялся с колен, посмотрел в сторону врага и улыбнулся. Однако тотчас же лоб его нахмурился.

— Ну вот! — сказал он. — Так-то лучше будет. Но где же все-таки была охрана станции? Разве так охраняют? Товарищ начальник штаба, займитесь этим делом сами. Надо строго следить. Они могут оправиться и опять налететь. Пошлите-ка ко мне коменданта!..

Он стряхнул с колен песок, закинул за спину карабин и снова пошел в вагон.

— Товарищи, пожалуйста ко мне! Совещание еще не кончилось...

## НА ВОЛОСКЕ

Война с белыми подходила к концу. Советская страна добивала одного из последних своих страшных врагов — барона Врангеля. Отряды Буденновской Первой Конной армии, идя по пятам за противником, заняли селение Отраду. Враг отступил. Утром командиры Конной, во главе с Ворошиловым и Буденным, собрались обсудить дела в одной из деревенских изб.

Вдруг снаружи слышались крики, винтовочная стрельба, топот. Все выскочили на крыльцо. Широкая главная улица деревни была пуста. Только там, далеко в ее конце, мелькали верховые, шла отчаянная стрельба. Должно быть, белые кавалеристы внезапно прорвались сквозь линию наших войск. Но сколько их — мало или много? Где они — все тут? Или за деревней ждут их другие?

Под руками было немного людей, каких-нибудь два-три десятка.

Буденный вскочил на коня и со всеми этими людьми кинулся на разведку. Не главной улицей, а задворками, огородами — в обход. Член Реввоенсовета Ворошилов тоже не остался в штабе. Один, без всякой охраны, он во весь опор поскакал прямо по деревне туда, где шла перестрелка.

И вдруг совершенно неожиданно, на полдороге между штабной избой и тем местом, где дрались, наперерез ему вылетел из бокового переулка целый эскадрон всадников. Буденный? Нет. Белые! Врангелевцы!

Сдержать сразу коня на всем скаку было невозможно. С разгону он врезался в самую гущу врагов.

Срывая с рук перчатки, Клим Ворошилов хотел схватиться за револьвер... Нет, поздно, не успеть. Сбоку от себя он уже видит оскалившееся, с выпученными глазами лицо врангелевца. С пикой наперевес казак бросается на Ворошилова.

Револьвер! Скорей револьвер! Наган! Правой рукой Ворошилов схватился за кобуру, левой натянул повод. Старый товарищ, боевой конь, сразу понял команду. Зубами и копытами встретил он врага, помешал ему нанести намеченный удар.

— А-а-а! Ах!

Пика с размаху пробивает широкую Ворошиловскую бурку, проходит на волосок от тела, но запутывается в складках.

Оба коня закружились, заплясали на месте бок о бок, храпя, злобно закатывая налитые кровью глаза. Перекошенное лицо врангелевца совсем близко... Он что-то хрипло кричит, бормочет... Рвет назад застрявшую в бурке пикую... Наган, скорее наган!.. Ворошилов выхватил револьвер, вскинул руку...

Но в этот миг вдруг слышится громкое „ура“. На улицу из боковых переулков вылетают буденновцы.

Секунда — и белых нет уже и в помине.

Тяжело дышащие, разгоряченные бойцы кидаются им вдогонку. Другие окружают тесным кольцом своего командира. Десятки рук тянутся к нему: ощупать, узнать — не ранен ли. Десятки глаз с тревогой и радостью смотрят ему в лицо. Жив? Цел? Не ранен?





— Ну как, Климент Ефремович? Как же это вы?

А Климент Ефремович с трудом вынимает оставленную врагом пику из складок бурки, в которой она запуталась. Он вытирает пот со лба. Он улыбается товарищам...

— Ничего, ничего, ребятки! — говорит он. — Ничего, спокойно! Еще повоюем!

---

Так было много лет тому назад. Так было.

А теперь, когда мимо Наркома Обороны проходят Первого мая части нашей великой армии, каждый боец, от самого старого до самого молодого, глядя на крепкую знакомую фигуру вождя, спокойно сидящего в седле, думает:

„Да, вот он, наш Клим Ворошилов! Много заслуг у него перед революцией и страной. Мудро и умело руководит он нами. Но ведь он умеет не только руководить. Он умеет, если нужно, и драться лицом к лицу с врагом. Он умеет прямо, не дрогнув, взглянуть в глаза смерти. Он одновременно и Нарком и красноармеец. Да здравствует Клим Ворошилов! Да здравствует наш первый боец!“

---



## СОДЕРЖАНИЕ

Станица Пятиизбенная.....	4
Смелая разведка.....	9
У пулемета .....	14
На волоске.....	19

---

*Для начальной школы*

Редактор *Н. Диакторская*. Редактор-художник *Н. Полозов*. Технический редактор *В. Никонова*. Корректор *С. Цивина*. Книга сдана в набор 23/VIII 1938г. Подписана к печати 11/X 1938г. Инд. Д-8. Лендетиздат № 76. Тираж 252.000 экз. Лениблгорионт № 4230. Заказ № 501. Формат бумаги 70X92<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. Печ. л. 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub>. У.-л. л. 0,83. Авт. л. 0,60. (57.024 тип. знак. в 1 бум. лист.). Бум. л. 2<sup>1</sup>/<sub>4</sub>. Отпечатано с готовых матриц во 2-й фабрике детской книги Детиздата ЦК ВЛКСМ. Ленинград, 2-я Советская, 7. Зак. 4699.

120 =

30 коп.